

о составленном им в 80-х гг. обзоре революционного движения, он сказал Н. К. Михайловскому: «Талантливый он человек, и не в Департаменте бы полиции ему служить».¹¹³ Впрочем, однажды царь «жестоко обошелся» с Плеве, когда Витте пожаловался, что Татищев своей болтливостью помешал ему заключить выгодный договор.¹¹⁴ Что же касается Горемыкина, то из всех сановников империи он сделал самую блестящую карьеру, дважды побывав на посту председателя Совета министров, несмотря на прозвище «его высокобездразличие», его собственные признания, что он «вынут из нафталина», и т. п. При этом равнодушный ко всему, кроме самодержавного принципа, он вовсе не отвечал безусловной преданностью на доверие Николая II. «Помните одно: никогда ему не верьте, это самый фальшивый человек, какой есть на свете», — внушал он П. Д. Святополк-Мирскому еще до первого своего премьерства.¹¹⁵

Б. М. ВИТЕНБЕРГ

К ИСТОРИИ ЛИЧНОГО АРХИВА С. Ю. ВИТТЕ

За последние десятилетия советскими историками опубликован ряд исследований, посвященных изучению «Воспоминаний» С. Ю. Витте и материалов его личного фонда, хранящегося ныне в ЦГИА СССР.¹ Благодаря этим работам стало возможным, в частности, по достоинству оценить особую роль личного архива Витте как «документальной базы» и мемуаров, и его активной публицистической деятельности после отставки с поста председателя Совета министров в 1906 г.² История личного архива Витте (как известно, после смерти владельца он был опечатан, а затем вывезен из его петроградского особняка на Каменноостровском проспекте) представляет поэтому значительный интерес.

¹¹³ *Тарле Е. В.* Донесения из Берлина С. С. Татищева В. К. Плеве. — В кн.: Красный архив. М.; Л., 1926, т. 4 (17), с. 187.

¹¹⁴ Дневник А. С. Суворина, с. 311.

¹¹⁵ Дневник кнг. Е. А. Святополк-Мирской, с. 249.

¹ *Сидоров А. Л.* 1) Граф С. Ю. Витте и его «Воспоминания». — В кн.: Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960, т. 1, с. III—LXX; 2) К вопросу о характере текста и источников «Воспоминаний» С. Ю. Витте. — В кн.: Сидоров А. Л. Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1970, с. 187—215; *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Опыт критики мемуаров С. Ю. Витте: (В связи с его публицистической деятельностью в 1907—1915 гг.). — В кн.: Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.; Л., 1963, с. 298—374; *Ткаченко М. А.* Фонд С. Ю. Витте в ЦГИА СССР и задачи критики «Воспоминаний» С. Ю. Витте. — В кн.: Некоторые вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М., 1977, с. 186—197; *Ананьич Б. В.* О рукописях и тексте мемуаров С. Ю. Витте. — В кн.: ВИД. Л., 1981, XII, с. 188—204.

² См.: *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Указ. соч., с. 306—373.

В настоящей статье делается попытка уточнить обстоятельства изъятия архива Витте и проследить дальнейшую судьбу его материалов.

Из «вступительных замечаний» издателя «Воспоминаний» И. В. Гессена известно, что на первом этапе работы над мемуарами, в 1907 г., Витте писал, «не имея под руками документов, за границей».³ В дальнейшем положение изменилось: часть архива Витте (в подлинниках или копиях) была вывезена им за границу.⁴ Однако не только необходимость постоянно обращаться к документам в ходе продолжавшейся в основном за пределами России, в условиях наибольшей безопасности, работы над мемуарами привела к возникновению заграничного филиала виттевского архива. Его материалы сами по себе представляли для владельца исключительную ценность, а их будущее, вероятно, вызывало не меньше опасений, чем судьба мемуаров.

В «Воспоминаниях» Витте рассказывает о судьбе архивов своих бывших коллег — министра внутренних дел Д. С. Сипягина и министра иностранных дел гр. В. Н. Ламздорфа. Оба эти архива после смерти владельцев были опечатаны, содержащиеся в них материалы разобраны по указанию Николая II, а затем представлены императору. В итоге дневник Спягина был уничтожен самим Николаем II, а из бумаг Ламздорфа, как полагал Витте, «конечно, наиболее шикарные будут уничтожены, и, таким образом, многие политические секреты будут похоронены».⁵ Архив Витте могла постигнуть та же участь. Поэтому рукопись «Воспоминаний» ожидала своего часа в сейфе банка в Байоне, а из 58 номеров «Списка документов» виттевского архива (под которыми значатся в основном тематические подборки документов, но иногда и отдельные документы) по меньшей мере 39 либо в подлинниках, либо в копиях также хранились за границей.⁶

³ Из «Вступительных замечаний» И. В. Гессена. — В кн.: Витте С. Ю. Воспоминания, т. 1, с. LXXI; см. также: *Ананьич Б. В. Указ. соч.*, с. 194.

⁴ *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Указ. соч.*, с. 306—307.

⁵ *Витте С. Ю. Воспоминания*. М., 1960, т. 2, с. 202—204, 313. — Следует отметить, что приведенные Витте прецеденты, как и судьба его собственного архива, не были исключением. Практика опечатания и изъятия личных архивов государственных деятелей, осуществлявшаяся после кончины владельцев по особым повелениям императора, сложилась в общих чертах в первой половине XIX в. и продолжалась вплоть до краха царизма. Эволюция этой практики заслуживает специального исследования и в данной статье, посвященной одному из ее поздних проявлений, не рассматривается.

⁶ Согласно пометам в «Списке документов», хранящемся в фонде Витте и впервые охарактеризованном Б. В. Ананьичем и Р. Ш. Ганелиным (см.: *Указ. соч.*, с. 306), за границей находились 23 группы документов в подлинниках, 11 — в копиях, в одном случае — и подлинники, и копии («Документы, касающиеся взятия Порт-Артура»), а также различные печатные записки и брошюры (см.: ЦГИА СССР, ф. 1622, оп. 1, д. 676, л. 4—5 об.). В списке под № 56, не имеющем пометы о месте хранения, значатся «Сте-

Существенно, что принимавшиеся Витте меры предосторожности не были тайной для властей. Так, С. П. Белецкий в своих показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства о перипетиях скандального дела о покушении на Витте отмечал: «Витте мемуары хотел писать и держал документы за границей». ⁷ Сведения об этих мерах могли быть получены не только в ходе постоянного полицейского наблюдения за бывшим председателем Совета министров, но и в результате «утечки информации» от хорошо осведомленных о них постоянных литературных сотрудников Витте. Уже 1 марта, на следующий день после смерти Витте, один из них, А. В. Руманов, сообщал своим читателям в «Русском слове»: «Мемуары графа Витте хранятся в подлинниках за границей. Сначала они хранились в Брюсселе, но несколько лет назад граф перевез их в другое место». ⁸ Редактор «Исторического вестника» Б. Б. Глинский, опубликовавший в 1912—1915 гг. по указаниям Витте ряд материалов его архива, ⁹ в декабре 1915 г. отмечал в посвященной памяти Витте статье, что воспоминания и архив (как полагал Глинский, «весь в оригиналах») покойного хранятся за границей. ¹⁰

Итак, значение архива Витте и существование его заграничного филиала были известны властям. Неудивительно поэтому активность действий, предпринятых ими после кончины Витте в отношении его документального наследства.

Витте скончался около 3 ч ночи 28 февраля 1915 г. ¹¹ В предисловии к «Воспоминаниям» М. И. Витте сообщает, что сразу же после смерти ее мужа «кабинет его в Петрограде был опечатан». ¹²

Через день, 2 марта, председатель Совета министров И. Л. Горемыкин направил Николаю II в Ставку в Барановичи всеподданнейший доклад, в котором, уведомляя императора о кончине «председателя Комитета финансов, члена Государственного совета, статс-секретаря графа Витте», извещал и о принятых в связи с нею мерах: «Утром того же дня (28 февраля. — Б. В.) оставшиеся после него и находившиеся в доме графини Витте, в Петрограде, документы, письма и прочие бумаги были опечатаны впредь до дальнейших распоряжений об осмотре и разборе таковых бумаг». В заключение Горемыкин

нографические мемуары (8 тетрадей)», впоследствии составившие большую часть «Воспоминаний». В момент составления списка стенограммы могли находиться еще в особняке Витте, однако после его смерти здесь было обнаружено только оглавление к ним.

⁷ Падение царского режима. Л., 1925, т. III, с. 376.

⁸ Руманов А. В. Мемуары графа Витте. — Русское слово, 1915, 1 марта.

⁹ См.: Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Указ. соч., с. 323—326.

¹⁰ Глинский Б. Б. Граф Сергей Юльевич Витте: (Материалы для биографии). — Ист. вестн., 1915, № 12, с. 905.

¹¹ См.: Кончина графа С. Ю. Витте. — Русское слово, 1915, 28 февраля.

¹² Витте С. Ю. Воспоминания, т. 1, с. LXXXI.

испрашивал указаний на случай, если императору «благоугодно будет возложить осмотр и разбор упомянутых бумаг на особое лицо...».¹³

Сообщение Горемыкина не было новостью для Николая II: о смерти Витте он узнал еще до отъезда в Ставку утром 28 февраля.¹⁴ В письме, написанном им императрице в тот же день, уже в пути, кончина экс-премьера упоминается как известное им обоим и, по мнению царя, благоприятное событие.¹⁵ На доклад Горемыкина 4 марта в Ставке была наложена лаконичная резолюция: «Распоряжения уже были сделаны».¹⁶

В чем именно состояли эти распоряжения, когда и кому они были отданы, можно судить по стремительно разворачивавшимся в эти дни вокруг виттевского наследства событиям, показывающим всю степень осведомленности царя о значении архива Витте и его заинтересованности в скорейшем овладении материалами этого архива.

Уже 4 марта посол России во Франции А. П. Извольский в секретной телеграмме министру иностранных дел С. Д. Сазонову сообщал: «Заведующий здешнею агентурой Министерства внутренних дел¹⁷ получил предписание о наложении чрез французскую полицию под предлогом охраны имущества покойного графа Витте печатей на все бумаги умершего, могущие находиться на вилле его дочери, г-жи Нарышкиной, в Биаррице». Извольский счел привлечение к делу французской полиции нецелесообразным — прежде всего потому, что «вилла г-жи Нарышкиной как жены состоящего при посольстве является экстерриториальной и в ней французские власти не могут предпринимать никаких действий». Поэтому Извольский уведомлял Сазонова о принятом им решении командировать в Биарриц для опечатания бумаг на вилле Нарышкиной секретаря посольства Б. А. Татищева и одновременно запросить правительство Франции, «не имелось ли у графа Витте депозита или безопасного ящика в одном из французских банков», и «в утвердительном случае» принять в отношении них «необходимые охранительные меры».¹⁸

Таким образом, обыск в Биаррице был проведен не после представления Николаю II обнаруженного в виттевском особняке

¹³ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 11, д. 1475. Об опечатании бумаг председателя Комитета финансов С. Ю. Витте в связи с его смертью, л. 1.

¹⁴ Царь отбыл из Царского Села в Ставку, согласно записи в камерфурьерском журнале, не ранее 10 ч утра 28 февраля. См.: Черповые камерфурьерские журналы за январь—июнь 1915 г. — ЦГИА СССР, ф. 516, оп. 1 (219/2728), д. 40, л. 125. — Далее: КФЖ.

¹⁵ Переписка Николая и Александры Романовых. М.; Пг., 1923, т. III, с. 116.

¹⁶ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 11, д. 1475, л. 1.

¹⁷ Имелся в виду, видимо, занимавший этот пост в 1909—1917 гг. А. А. Красильников (см.: Агафонов В. К. Заграничная охранка. Пг., 1918, с. 101—121).

¹⁸ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 11, д. 1475, л. 3.

оглавления мемуаров, как сообщает М. И. Витте,¹⁹ а значительно раньше — не позднее 2 марта, так как Татищев должен был выехать в Биарриц в день отправления Извольским телеграммы в Министерство иностранных дел.

Итак, акция по опечатанию бумаг Витте на вилле в Биаррице была предпринята Министерством внутренних дел, но исполнение ее ввиду возможных затруднений дипломатического характера Извольский взял на себя, не дожидаясь даже предварительной санкции своего министра. Существенно, что в цитированном выше докладе Горемыкина речь шла об опечатании только кабинета Витте в Петрограде, и, следовательно, Министерство внутренних дел действовало помимо председателя Совета министров. В курсе дела Горемыкин оказался лишь 3 марта благодаря пересланной ему Сазоновым копии телеграммы Извольского.²⁰ 6 марта министр внутренних дел Н. А. Маклаков известил Горемыкина «для сведения», что на вилле в Биаррице «никаких бумаг не оказалось».²¹

Есть основания считать, что указание Маклакову о проведении обыска в Биаррице исходило непосредственно от Николая II как одно из распоряжений, упомянутых в резолюции царя на докладе Горемыкина.²²

Другим распоряжением, отданным не позднее 4 марта (даты резолюции на докладе Горемыкина), было поручение генерал-адъютанту К. К. Максимовичу, о ходе исполнения которого рассказывают материалы дела, хранящегося в фонде Канцелярии Министерства императорского двора в ЦГИА СССР.²³ Дело со-

¹⁹ Витте С. Ю. Воспоминания, т. I, с. LXXXI.

²⁰ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 11, д. 1475, л. 2.

²¹ Там же, л. 5.

²² В таком случае оно могло быть отдано и заблаговременно, накануне смерти Витте: 27 февраля в 2 ч дня Маклаков был принят императором (КФЖ, л. 123 об.). О том, что такая предусмотрительность практиковалась в подобных случаях, свидетельствует чрезвычайно любопытный документ — отпуск официального письма министра двора В. Б. Фредерпкса петербургскому градоначальнику Д. В. Драчевскому от 30 ноября 1907 г., в котором министр уведомлял: «Ввиду тяжелой болезни князя Владимира Петровича Мещерского его величеству благоугодно, чтобы в случае смерти князя были приняты меры к охранению его бумаг, впредь до особого распоряжения» (ЦГИА СССР, ф. 472, оп. 40 (194/2682), д. 6, л. 151). Издатель «Гражданина», состоявший в личной переписке с двумя императорами, Александром III и его преемником, и временами активно влиявший на определение правительственного курса, был, таким образом, признан личностью государственного значения. Конечно, Николай II имел все основания интересоваться судьбой бумаг больного, среди которых были и его собственные письма. В 1907 г. Мещерский остался вопреки ожиданиям жив, а потому прибегать к предписанной царем мере не пришлось. Однако, когда после смерти Мещерского в 1914 г. власти попытались заполнить подлинники писем императоров покойному, это оказалось невозможным: подобно Витте, Мещерский укрыв наиболее ценную часть своего архива за границей — в сейфе Немецкого банка в Берлине (см.: Oxford Slavonic Papers, 1962, vol. X, p. 141—142).

²³ ЦГИА СССР, ф. 472, оп. 39 (224/2746), д. 2. — Далее ссылки даются в тексте с указанием номеров тетрадей и листов.

ставляют две тетради и пакет (с грифом «совершенно секретно»), в котором до его вскрытия находились тетради. Заголовок дела и опись идентичен надписи на пакете: «Всеподданнейший доклад генерал-адъютанта Максимовича по исполнению высочайше возложенного на него поручения о рассмотрении оставшихся после кончины статс-секретаря графа С. Ю. Витте документов и бумаг, находившихся в его квартире в Петрограде, а равно относящаяся к этому делу переписка». Согласно имеющейся на пакете помете помощника начальника Канцелярии Министерства императорского двора кн. С. В. Гагарина, дело 9 декабря 1915 г. было передано на хранение «в секретных делах Канцелярии». Опись, по которой значится дело ныне, была составлена для передачи на хранение в Общий архив Комиссариата имущества республики (в состав которого, как известно, перешла после Октябрьской революции часть учреждений бывшего Министерства императорского двора) «двух запечатанных пакетов» и датирована 15 апреля 1918 г.²⁴

Если бы Максимовичу среди доверенных его разбору бумаг Витте повезло найти и текст «Воспоминаний», на их страницах он обнаружил бы свою нелестную аттестацию как «человека ничтожного», всецело обязанного карьерой протекции своего давнего сослуживца министра двора Фредерикса.²⁵ Последнее утверждение Витте вполне соответствовало действительности: именно поэтому и в марте 1915 г. Максимович выполнял свое поручение с помощью чинов Министерства императорского двора, а 18 декабря того же года занял влиятельный пост помощника того же Фредерикса по должности командующего Главной императорской квартирой.

Обстоятельства изъятия Максимовичем петроградского архива Витте приведены в статье Б. В. Ананьича и Р. Ш. Ганелипа на основании «Предисловия» М. И. Витте к «Воспоминаниям» и анонимного сообщения «Русского слова» от 6 марта 1915 г.²⁶ (автором которого, по всей вероятности, был петроградский корреспондент газеты А. В. Руманов, причем информация, которой он располагал, исходила скорее всего от М. И. Витте).

Всеподданнейший доклад Максимовича «Об оставшихся после кончины статс-секретаря графа Витте документах» (тетр. 1-я, л. 1—2 об.), датированный 12 марта, дополняет эти два источника. Правда, ни доклад, ни другие материалы дела не позволяют определять точную дату появления Максима и его сотрудников в особняке Витте. Во всяком случае разбор бумаг покойного был невозможен раньше похороп, состоявшихся 2 марта. «Русское слово» сообщает, что изъятие архива произошло 5 марта, не доверять этой дате нет оснований. В этой же заметке газеты отмечалось, что полномочия Максимовича распространялись лишь

²⁴ Там же, оп. 39, л. 70.

²⁵ *Vitte С. Ю.* Воспоминания, т. 2, с. 549—550.

²⁶ *Ананьич Б. В., Ганелип Р. Ш.* Указ. соч., с. 300.

на те из бумаг Витте, которые имели «государственное значение», и «главным образом» на дела Комитета финансов.²⁷ В докладе Максимович уточняет: «... мною были взяты все дела, имеющие отношение до государственной деятельности графа Витте...» (тетр. 1-я, л. 1).

Однако критерий «государственной деятельности» Витте в применении к его документам Максимович и его сотрудники истолковали настолько широко, что в итоге оказались изъятыми практически все найденные в особняке материалы (за исключением, вероятно, личной переписки М. И. Витте), вплоть до «Печатного экземпляра отчета графа М. Н. Муравьева по управлению Северо-Западным краем с 1 мая 1863 г. по 17 апреля 1865 г.», брошюры Л. Н. Толстого «Обращение к русским людям» и «Приложений к книге „Избранные речи Николая Второго“, заграничного издания» (тетр. 1-я, л. 4 об., 7 об.).

Изъятые документы затем были перевезены из особняка Витте на Каменноостровском проспекте (д. 5) на набережную Фонтанки (д. 20), в помещение Канцелярии Министерства императорского двора, где им предстояло находиться, как указывалось в докладе, «времененно, впредь до получения высочайших... указаний» (тетр. 1-я, л. 1).

Таким образом, худшие опасения Витте, не раз высказывавшиеся им в мемуарах, сбылись: Николай II стал его душеприказчиком, а генерал-адъютант Максимович и чины Канцелярии Министерства императорского двора по долгу службы оказались первыми исследователями виттевского личного архива.

Уже к 12 марта эта работа была завершена. В предельно сжатый срок (всего за неделю) в соответствии с определенной уже в первой половине XIX в. формой подобного рода дел²⁸ были подготовлены всеподданнейший доклад Максимовича, «Опись бумаг и документов, принадлежавших графу С. Ю. Витте и находившихся в его квартире в Петрограде» (тетр. 1-я, л. 3—8) и «Копия с найденного в делах графа Витте списка принадлежащих ему документов» (тетр. 1-я, л. 9—11).²⁹

Столь быстрое завершение работы вызывалось, по-видимому, возвращением 11 марта Николая II из Ставки в Царское Село. 14 марта Максимович был принят царем³⁰ и представил ему подготовленные в Канцелярии Министерства императорского двора документы.

В докладе Максимовича кратко освещались обстоятельства исполнения поручения, содержалась характеристика изъятых до-

²⁷ Наследство гр. С. Ю. Витте. — Русское слово, 1915, 6 марта.

²⁸ См., например: ЦГИА СССР, ф. 1250, оп. 1 (т. XVI). Бумаги, оставшиеся после умерших председателей и членов Государственного совета, д. 1—3, 13, 19.

²⁹ Все эти документы отпечатаны на машинке и составляют тетр. 1-ю дела; тетр. 2-я содержит переписку о рассылке документов Витте лицам и учреждениям.

³⁰ КФЖ, л. 164, 169 об.; Дневник Николая II, запись 14 марта 1915 г. — ЦГАОР СССР, ф. 601, оп. 1, д. 262, с. 153—154.

кументов и давались рекомендации относительно их дальнейшей судьбы. В прилагавшейся к докладу описи обнаруженных в особняке Витте материалов, которая включает 80 заголовков «бумаг и документов», в соответствии с рекомендациями доклада выделено 6 групп дел.

2 апреля 1915 г. в Царском Селе Николай II наложил на доклад Максимовича резолюцию: «Поступить согласно вашим предположениям» (тетр. 1-я, л. 1). Тем же числом датированы пометы Максимовича в описи, отразившие указания императора о судьбе отдельных документов архива Витте.

Особый интерес Николая II должна была вызвать представленная Максимовичем копия «Списка документов». Заголовки дел в копии были напечатаны либо красным, либо черным шрифтом. Эту особенность копии поясняет специальное примечание: «Документы, обозначенные красным шрифтом, находятся налицо, документы же, обозначенные черным шрифтом, в доме графа Витте в Петрограде не оказались» (тетр. 1-я, л. 9).³¹

Первое же сопоставление «Списка документов» с изъятymi материалами показало, что в особняке Витте удалось найти лишь часть его огромного архива. Тем не менее Максимович в своем докладе утверждал: «Большинство из указанных в этом списке документов оказалось налицо...», тут же констатируя, что «некоторых (документов. — *Б. В.*), из коих многие представляются особо интересными и важными, недостает, и в списке они обозначены как находящиеся за границей» (тетр. 1-я, л. 1). Подсчет по представленной царю копии списка показывает, что было обнаружено менее половины документов — 27 «померов» из 58.

Вероятно, еще при осмотре опечатанных бумаг в особняке Витте Максимович обратился за разъяснениями «по этому поводу» к его хозяйке и получил категорический ответ, что «она (*М. И. Витте. — Б. В.*) никогда не слышала от своего покойного мужа, чтобы он хранил какие-либо документы за границей...». Вряд ли можно сомневаться, что это было совсем не так. Надо думать, что и Максимович, в руках которого был «Список документов», прямо-таки испещренный пометами «за границей», «взять за границу и 2-й экземпляр», не имел оснований верить этому заявлению, несмотря на сообщаемые далее в докладе императору заверения *М. И. Витте* в том, что если бы отсутствующие документы «оказались где-либо за границей, то она почтет своим верноподданническим долгом немедленно же представить

---

³¹ «Список документов» сыграл первостепенную роль в изучении Максимовичем и его сотрудниками архива Витте. О значении этой находки уже 6 марта сообщало «Русское слово»: «Осмотр бумаг был чрезвычайно облегчен тем, что покойный незадолго до своей кончины составил исчерпывающий реестр своего портфеля с подробным указанием, где какие бумаги находятся». Собственно, были найдены два экземпляра списка, из которых один содержит многочисленные пометы Витте (ЦГИА СССР, ф. 1622, оп. 1, л. 676, л. 4—5 об.). Другой экземпляр (там же, л. 1—3) представляет собой копию первого с учетом помет Витте.

их вашему величеству» (тетр. 1-я, л. 1—1 об.). Эти заверения Николай II особо отметил в докладе пометой: «Надеюсь» (л. 1). Однако вопрос о месте хранения необнаруженных документов остался открытым.

К I разделу описи («Дела и документы, подлежащие представлению на высочайшее благоусмотрение») были отнесены 9 дел, являвшихся, по мнению составителей доклада, «особо существенными» (тетр. 1-я, л. 1 об.).

Разумеется, наибольшее внимание из этих дел привлек «Указатель к воспоминаниям (рассказам в стенографической записи) графа С. Ю. Витте, части I—XVII».³² В докладе итоги изучения этого впечатляющего документа (оглавление заканчивалось на 2436-й странице!)³³ Максимович подвел следующим образом: «Из этого указателя видно, что воспоминания графа Витте затрагивают весь период его частной и государственной деятельности и касаются многообразных вопросов политического, административного, финансового и общественного характера, а потому представляют собою выдающийся интерес» — и тут же отмечал: «К сожалению, воспоминаний этих не имеется палицо. Графине М. И. Витте также ничего не известно о местонахождении означенных воспоминаний, и она усиленно ходатайствует, не признано ли будет возможным предоставить ей упомянутый указатель воспоминаний, ибо таковые касаются, между прочим, и семейной жизни покойного графа Витте» (тетр. 1-я, л. 1 об.).

Читатель «Воспоминаний» сразу же обнаружит противоречие в освещении этого сюжета в докладе и предисловии М. И. Витте. Вдова мемуариста сообщает, что «через некоторое время» после изъятия бумаг к ней «явился генерал-адъютант, начальник главной квартиры (здесь М. И. Витте допускает сразу две ошибки, так как Максимович был назначен помощником командующего Главной квартирой лишь в декабре 1915 г. — *Б. В.*), и сказал, что государь, ознакомившись с оглавлением мемуаров мужа, очень ими интересуется и хотел бы их прочитать. Я ответила, — продолжает М. И. Витте, — что, к сожалению, лишена возможности предоставить их для чтения государю, так как они хранятся за границей. Посланец государя не настаивал...».³⁴

Здесь представляют интерес два обстоятельства. Во-первых, из сопоставления источников следует, что указатель был передан Николаю II до завершения работы над докладом. Знакомство с указателем не оставляло сомнений в том, что царь оказался одним из главных персонажей пока не найденных «Воспоминаний»: отсюда и визит Максимовича в особняк М. И. Витте.

Во-вторых, по меньшей мере неосторожно было бы для вдовы Витте сообщать посланцу Николая II, что рукопись воспомина-

³² Опубликован в кн.: *Витте С. Ю. Воспоминания*, т. 1, с. 464—510. — Подлинник см.: ЦГИА СССР, ф. 1622, оп. 1, д. 677.

³³ *Витте С. Ю. Воспоминания*, т. 1, с. 510.

³⁴ Там же, с. IXXXI.

ний хранится за границей. Само существование заграничного филиала архива покойного мужа в условиях войны должно было поставить М. И. Витте в весьма затруднительное положение, так как часть его, согласно пометам в «Списке документов», хранилась в Берлине.³⁵ Это могло быть серьезным компрометирующим обстоятельством, поскольку с самого начала войны против Витте выдвигались (прежде всего дипломатами союзных держав) обвинения в гермаофильстве и в интригах в пользу заключения сепаратного мира с Германией.³⁶

Сообщение Максимовича представляется поэтому достоверным; фраза же предисловия (не соответствующая избранной на деле М. И. Витте, как мы видели, очень осторожной линии поведения в вынужденных встречах с представителями властей) появилась по причинам, не вполне ясным, — возможно, чтобы придать поведению автора в глазах читателя оттенок смелости, если не вызова.

Единственным итогом визита Максимовича стала констатация в докладе и в ответенной для рекомендаций графе описи ходатайства М. И. Витте о возвращении ей указателя к «Воспоминаниям». Оглавление мемуаров было возвращено М. И. Витте.

Еще два дела I раздела описи («Непосредственная безобразовщина» и «Записка Абазы и записка Волярялярского»), касавшиеся весьма щепетильной для императора темы — дальневосточных авантур накануне русско-японской войны, — Максимович предупредительно оставил без рекомендаций, вероятно, полагая, что на полях описи против заголовков этих дел может появиться и помета об их уничтожении. Но Николай II предпочел направить оба дела на хранение в императорские библиотеки, о чем свидетельствуют пометы Максимовича в описи (тетр. 1-я, л. 3). В императорские библиотеки поступили еще 5 дел этой группы.³⁷

II раздел описи составили документы, которые, по определению доклада, «являются в настоящее время секретными, а в будущем могли бы представить интерес для исторического иссле-

³⁵ В Берлине находились дополнения к делу виттевского архива за № 8 («Торговый договор с Германией»), копии документов по делу Матюшенского—Тимирязева (дело № 15), дополнения к 2 томам писем (дело № 45). См.: ЦГИА СССР, ф. 1622, оп. 1, д. 676, л. 1, 1 об., 3 об. — В Берлине, в банке Роберта Мендельсона, также хранилась и часть средств семьи Витте, перевод которых в Копенгаген или Стокгольм Витте в письме к Мендельсону от 20 января 1915 г. ставил условием своего участия в качестве делегата в «мирной конференции» (см.: Ганелин Р. Ш. Странички сепаратного мира с Германией в царской России. — В кн.: Проблемы истории международных отношений. Л., 1972, с. 134). Отметим, что условие Витте было выполнено: завещание М. И. Витте, составленное 21 мая 1915 г., упоминает находящийся в стокгольмском Enskilda Bank Notariat afdelning вклад на ее имя на общую сумму 1 млн 226 тыс. 50 «имперских марок», очевидно, переведенный из Берлина (см.: ЦГИА СССР, ф. 1622, оп. 1, д. 292, л. 1).

³⁶ См.: Международные отношения в эпоху империализма. Сер. III. М.; Л., 1935, т. VI, ч. 2, № 485, 501, 551, 634, 724 (примеч. 3); Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. 2-е изд. М., 6 г., с. 137—138.

³⁷ Ныне хранятся в ЦГИА СССР (ф. 1622, оп. 1, д. 708—712).

дования государственной деятельности графа Витте» (тетр. 1-я, л. 2). Эти материалы также было рекомендовано передать в библиотеку Зимнего дворца. Однако одно из дел — «Прошение на высочайшее имя Виктории Устинович от 17 декабря 1898 г. и всеподданнейший доклад по сему делу С. Ю. Витте от 24 декабря 1898 г. с высочайшей резолюцией» — Николай II приказал уничтожить (тетр. 1-я, л. 5).³⁸

III раздел описи составили «дела и документы, подлежащие возвращению по принадлежности в министерства и учреждения». 6 дел передавались в Совет министров.³⁹

Значительная группа дел препровождалась в Министерство финансов. Это материалы, отложившиеся в архиве Витте в результате его деятельности в Комитете финансов, записки и подборки документов по различным финансовым и экономическим вопросам. Материалы дела, озаглавленного «Документы по Крестьянскому и Дворянскому банкам» (№ 4 по «Списку документов» Витте) были разобраны и 21 октября 1916 г. разосланы по различным учреждениям министерства.⁴⁰ Остальные дела 22 октября 1916 г. переданы в Особенную канцелярию по кредитной части.⁴¹

Небольшая часть материалов возвращалась М. И. Витте. Они составили IV раздел описи (5 дел). Как полагал Максимович, эти дела «не представляются секретными и с государственной точки зрения значения не имеют, но для семьи графа Витте заключают в себе интерес» (тетр. 1-я, л. 2). В числе других М. И. Витте было возвращено и дело о покушении на ее мужа.⁴² Упомянув о нем в докладе, Максимович отмечал: «О возвращении этого дела особенно просит графиня Витте» (тетр. 1-я, л. 2 об.).

V раздел описи составило лишь одно дело — брошюра бывшего министра народного просвещения гр. И. И. Толстого, отосланная автору.

³⁸ Причины этого решения и обстоятельства самого дела нам неизвестны.

³⁹ Судя по отпуску письма Максимовича Горемыкинну, они были переданы по назначению 15 апреля (ЦГИА СССР, ф. 472, оп. 39 (224/2746), д. 2, тетр. 2, л. 3—3 об.). В фонде Совета министров (там же, ф. 1276) эти материалы не обнаружены.

⁴⁰ ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 506, л. 5—7.

⁴¹ Там же, л. 8—9. — В фонде этого учреждения (там же, ф. 583) они не обнаружены. Вероятно, они разделили судьбу большей части архива кредитной канцелярии, утраченного в 1941 г. (см.: *Буковецкий А. И.* Об архиве Особенной канцелярии по кредитной части. — *История СССР*, 1970, № 6, с. 112).

⁴² М. И. Витте помимо дела о покушении были возвращены также «Переписка графа С. Ю. Витте с А. С. Стишинским в феврале 1911 г. по поводу утверждения последним, что граф С. Ю. Витте делал заявление о желательности заведения системы равного, прямого и пр[очего] голосования при выборах в Государственную думу», «Биография графа С. Ю. Витте» (ныне хранится: ЦГИА СССР, ф. 1622, оп. 1, д. 291), три экземпляра брошюры С. Ю. Витте «Либава или Мурман» и «Дело о вызове генерал-адъютантом А. Н. Куропаткиным графа С. Ю. Витте» (там же, д. 960). См.: ЦГИА СССР, ф. 472, оп. 39 (224/2746), д. 2, тетр. 1, л. 6—6 об.

И, наконец, 23 документа были отнесены к VI разделу, озаглавленному: «Дела и документы, подлежащие уничтожению». Обосновывая этот вынесенный бумагам Витте «приговор», Максимович писал, что они «заключают в себе никакого значения не имеющую переписку графа Витте с различными чиновными лицами и общественными деятелями, а равно разные печатные записки и дела, рассматривавшиеся в свое время в высших государственных установлениях. Все подобного рода документы, — заключал Максимович, — никакого внимания не заслуживают и могли бы, по моему мнению, подлежать уничтожению» (тетр. 1-я, л. 2 об.).

Однако наряду с дублетами печатных записок и различными служебными материалами, действительно не имевшими для распорядителей виттевского архивного наследства никакой ценности, в перечень был включен ряд документов, не отвечавших сформулированному в докладе принципу отбора. Так, среди них оказалась анонимная «Записка о министре финансов Барке» (тетр. 1-я, л. 8), наверняка внимательно прочитанная Максимовичем. Против ее заголовок Максимович сделал несколько неожиданную помету карандашом: «взята мною для уничтожения». Либо генерал-адъютант не решился доверить уничтожение записки своим сотрудникам, либо записка была им изъята с целью, нам неизвестной. Происхождение записки, по-видимому, раскрывает соседней заголовок перечня: «Копия с письма князя Андроникова И. Л. Горемыкину от 28 апреля 1914 г.» (тетр. 1-я, л. 8). Скорее всего автором записки о Барке был тот же М. М. Андроников.⁴³

Среди отобранных для уничтожения бумаг были также копия переписки о назначении П. Н. Дурново министром внутренних дел в 1905 г. и адресованные Витте и другим лицам записки и письма (тетр. 1-я, л. 7—8).

15 апреля 1915 г. документы виттевского архива начали рассылать учреждениям и лицам в соответствии с одобренными царем рекомендациями доклада (тетр. 2-я, л. 1—7). Через месяц, 15 мая, С. В. Гагарин по поручению Максимовича направил М. И. Витте «Список документов» (первоначально включенный в I раздел описи), он извещал ее: «Означенные документы и бумаги, за исключением тех, кои... возвращены Вам, графиня, переданы по высочайшему повелению в подлежащие учреждения по принадлежности» (тетр. 2-я, л. 9).

19 января 1916 г. последняя группа документов архива Витте

---

⁴³ В фонде Андроникова сохранились копии этого письма и записки Андроникова о Барке (ЦГИА СССР, ф. 1617, оп. 1, д. 65, л. 3—4, 11—11 об.), подлинник которой был отослан автором Горемыкину в приложение к письму от 5 мая 1914 г. (там же, л. 10). Вероятно, тогда же Андроников снабдил копиями обоих своих сочинений и Витте. Оба документа возникли в ходе проводившейся Андрониковым кампании дискредитации нового министра финансов; в них Барк обвинялся в различных финансовых махинациях.

была отослана из Канцелярии Министерства императорского двора в библиотеку Зимнего дворца.⁴⁴

Итак, из 80 дел, изъятых после смерти Витте, 28 дел были направлены в императорские библиотеки, 19 разосланы по учреждениям, 24 уничтожены и только 7 дел возвратились в особняк на Каменноостровском.

Для исполнителей «высочайше возложенного поручения», как и для самого императора, итоги изъятия архива Витте оказались разочаровывающими — и не только потому, что вне досягаемости осталась рукопись «Воспоминаний». Не удалось обнаружить и большое количество наиболее ценных материалов, указанных в «Списке документов» (правда, Максимович и его сотрудники по заголовкам списка вряд ли могли объективно определить масштабы неудачи). Как мы помним, Максимович считал эти материалы паходящимися за границей, о чем и доложил императору.

Однако это было не так. Большая часть материалов, не обнаруженных при изъятии архива, оставалась либо в копиях, либо в подлинниках в Петрограде и затем вошла в состав фонда Витте в ЦГИА СССР. Примерный подсчет показывает, что найдено было не более трети документов личного архива Витте. Остальные его материалы, включая наиболее ценные, хранились в Петрограде — или в тайниках, или в сейфах банков. На последнюю возможность указывает судьба документов, обозначенных по «Списку документов» № 54 («Документы, касающиеся дяди (генерала Фадеева)») и 55 («Документы, касающиеся деда»).⁴⁵ Ныне они образуют в ЦГИА СССР фонд Фадеевых (ф. 1100), материалы которого были извлечены из сейфов Воляжско-Камского коммерческого банка.

Представляется, что использование материалов «секретного дела» об изъятии архива Витте даст возможность поиска в отечественных архивохранилищах ряда пока не обнаруженных документов, а также сделает достаточно реальной реконструкцию состава одного из значительнейших частных собраний документов конца XIX — начала XX в. Однако полностью эта задача не может быть решена без учета филиала архива Витте, хранящегося ныне, как известно, в Архиве русской и восточноевропейской истории и культуры при Колумбийском университете в Нью-Йорке.⁴⁶

С другой стороны, изъятие личного архива Витте, в ходе которого в поиски мемуаров и документов покойного экс-премьера оказались вовлечены император и заграничная охранка, посол и генерал-адъютант, проводились обыски и уничтожались документы, как нельзя лучше демонстрирует граничившие с произволом методы, применявшиеся самодержавием даже по отношению к своим самым преданным сторонникам, каким до конца дней оставался автор «Воспоминаний».

⁴⁴ См.: *Ананьич Б. В.* Указ. соч., с. 190, примеч. 7; ЦГИА СССР, ф. 472, оп. 50, д. 1572, л. 4.

⁴⁵ ЦГИА СССР, ф. 1622, оп. 1, д. 676, л. 5 об.

⁴⁶ См.: *Ананьич Б. В.* Указ. соч., с. 193.